

- Сегодня я в павильон Южного Ветра не ходил. Купил необходимые лекарственные травы и пряности, а потом заглянул в чайную, чтобы послушать рассказчика.

Гу Яньлин, обхватив шею Сяо Синханя, уютно устроился у него на коленях и принялся болтать о всяких пустяках:

- Угадай, что я там услышал?

Сяо Синхань, глядя на его выразительную мордашку, которая буквально так и кричала: «Ну спроси же меня!», решил подыграть ему:

- И что же ты там услышал?

Гу Яньлин заговорщицки придвинулся к самому его уху и прошептал:

- Тот мужчина, что сидел рядом, рассказывал, будто префект завел себе юного любовника и теперь души в нем не чаёт, чем довел свою супругу до неопишуемого гнева. А ведь нашему префекту уже за пятьдесят! Такая бодрость духа в столь почтенном возрасте поистине вызывает искреннее уважение.

Сяо Синхань лишь многозначительно промолчал.

Гу Яньлин же, не унимаясь, снова принялся рассуждать:

- Господин, как же хорошо, что вы еще не женаты. Иначе, если бы вы так же сильно баловали меня, ваша супруга была бы крайне недовольна.

Впрочем, в этом утверждении крылась доля лукавства. Если бы Сяо Синхань действительно был женат, Гу Яньлин ни за что на свете не стал бы его любовником. Он вовсе не из тех, кто разменивается по мелочам или соглашается на второстепенную роль. Просто Сяо Синхань был таким невероятным красавцем, да к тому же оставался холост – вот он и согласился, пусть и с легкой неохотой!

Сяо Синхань, заметив его самодовольный вид, решил немного поддразнить юношу:

- Откуда ты знаешь, что я не женат?

Гу Яньлин удивленно моргнул:

- Я просто знаю.

Сяо Синхань шутливо ущипнул его за щеку:

- Опять твой старший брат Чан Фэн наговорил тебе лишнего?

Гу Яньлин поспешно убрал его руку и обхватил лицо Сяо Синханя обеими ладонями:

- Ой, не тяни меня, больно же! Говорят, ты приревновал, так что я в последнее время с Чан Фэном вообще не общаюсь.

- Я приревновал? - Сяо Синхань лишь усмехнулся.

- У нас с Чан Фэном ничего нет, - поспешил заверить Гу Яньлин. - Я считаю его просто старшим братом.

Сяо Синхань обнял Гу Яньлина за спину и неспешно, с легкой искоркой в глазах, спросил:

- А кем же ты считаешь меня?

Гу Яньлин встретился взглядом с бездонными глазами Сяо Синханя, тут же обвил его шею руками и коротко чмокнул в губы. Не спеша отстраняться, он ласково потерся губами о его рот:

- Господин, вы же сами прекрасно знаете ответ. Кем я могу вас считать? Вы, конечно же, мой мужчина.

Подобные слова слетали с языка Гу Яньлина легко и непринужденно - он перечитал столько любовных романов не зря, умело выбирая оттуда самые красивые и подходящие фразы.

И это, разумеется, пришлось Сяо Синханю по душе.

Среди бела дня, на виду у всех, когда неподалеку находились слуги - пусть даже они и стояли,

смиренно потупив взоры, – Гу Яньлин все же немного смутился оттого, что Сяо Синхань вот так открыто обнимал его и целовал.

У него все-таки была капля стыдливости! Не то что у этого бесстыдного и абсолютно непробиваемого Сяо Синханя!

Гу Яньлин поправил одежду, осторожно слез с колен Сяо Синханя, пересел на каменный табурет неподалеку и потянулся за чашкой чая:

- Пить хочется, сил просто нет.

Не дожидаясь предостережения Сяо Синханя, он жадно сделал глоток. Чай был только что вскипячен, и от обжигающей жидкости его личико болезненно сморщилось, а на глазах мгновенно выступили слезы.

Сяо Синхань, притянув его к себе, распорядился, обращаясь к Ли Юфу, стоявшему у ступеней:

- Принеси холодной воды и позови лекаря.

Ли Юфу поспешил отдать приказы слугам, чтобы те незамедлительно принесли воду и позвали императорского лекаря.

Гу Яньлин от резкой боли ронял слезу за слезой.

Сяо Синхань осторожно сжал его подбородок, жестом веля открыть рот:

- Дай посмотрю, не обжегся ли ты.

Гу Яньлин, всхлипывая, послушно высунул кончик языка. Сяо Синхань внимательно осмотрел его – действительно, на слизистой появились небольшие волдыри.

Все-таки кожа у Гу Яньлина была слишком нежной, а он с такой неосторожной спешкой сделал большой глоток горячего чая.

Видя, как жалко он плачет, Сяо Синхань проглотил готовые сорваться с языка нотации. Ли

Юфу поспешно принес холодную воду, и Сяо Синхань поднес чашу к губам Гу Яньлина:

- Прополощи рот.

Гу Яньлин прополоскал рот, набрал в него еще холодной воды, забавно раздув щеки, и со слезами на глазах уставился на Сяо Синханя.

- В следующий раз будь умнее, - заметил Сяо Синхань.

Гу Яньлин ожидал, что его будут жалеть и утешать, а не читать нотации, поэтому, почувствовав глубокую обиду, снова горько заплакал.

Сяо Синхань помедлил, осторожно вытер ему слезы и смягчил тон:

- Ты сам пил так быстро и торопливо, что обжегся. На кого теперь пеняешь?

Гу Яньлин разозлился еще больше и, продолжая плакать, попытался слезть с его колен. В этот момент с аптечкой на спине в комнату поспешно вошел лекарь.

Сяо Синхань взял у Ли Юфу платок и бережно вытер лицо Гу Яньлина:

- Покажись лекарю.

Гу Яньлин выплюнул воду и открыл рот, чтобы лекарь мог провести осмотр.

Волдыри были совсем маленькими, да и холодная вода помогла, так что ничего серьезного не случилось. Однако все в округе знали о его особых отношениях с наследным принцем, поэтому никто не смел проявлять даже малейшую небрежность. Лекарь осмотрел его очень тщательно, дал множество ценных советов, подробно перечислил продукты, которые следует исключить из рациона, и лишь после этого удалился.

Когда острая боль наконец утихла, Гу Яньлин перестал плакать. Но поскольку Сяо Синхань не только не утешил его, но еще и упрекнул в нерасторопности, юноша затаил обиду. Вид Сяо Синханя теперь раздражал его, поэтому он резко встал и ушел; даже по его напряженной спине было видно, что он в ярости.

Сяо Синхань лишь промолчал.

Гу Яньлин забрал свои лекарства и пряности и вернулся в западный флигель. Маленький попугай как раз чистил перышки на крыле. Увидев хозяина, он радостно захлопал крыльями:

- Юаньбао - умнейший в мире!

Гу Яньлин фыркнул, сел спиной к двери и не обратил на птицу никакого внимания.

Попугай снова закричал:

- Господин - глупейший в мире!

Гу Яньлин тут же отозвался:

- Именно так и есть!

- Разве так можно? - возмутился он. - Я ведь обжегся, разве он не должен был в этот момент прижать меня к себе и пожалеть? В тех книгах в таких случаях говорят: «Сердце мое, рана на тебе - боль в моей душе». А он? Едва не назвал меня нерасторопным и еще велел «быть умнее»!

Сяо Синхань, вспомнив жалкий вид Гу Яньлина, пришел следом, чтобы все-таки утешить его, но случайно услышал эти слова. Более того, попугай в клетке громко и торжественно повторил:

- Господин - глупейший в мире! Господин - глупейший в мире!

Разумеется, птица в точности подражала тону Гу Яньлина - очевидно, тот сам его этому и научил, ведь попугаи лишь повторяют за другими.

Гу Яньлин не заметил, что Сяо Синхань вошел, и продолжал ругаться:

- Он не только глупейший в мире! Он еще и величайший злодей! Развратный демон! У него совсем нет сердца!

Попугай внезапно запрыгал по клетке:

- Злодей пришел! Злодей пришел!

Услышав эти слова, Гу Яньлин невольно обернулся.

Сяо Синхань стоял в дверях и совершенно спокойно произнес:

- Раз ты так громко ругаешься, значит, рана не такая уж серьезная.

Гу Яньлин лишь открыл рот, но так ничего и не смог ответить.

Сяо Синхань, не дожидаясь реакции, развернулся и ушел. Гу Яньлин хотел было вскочить и побежать за ним, чтобы высказать всё, что накопилось, но из чистого упрямства остался сидеть на месте.

«Почему он такой невыносимый? Я ведь просто высказал то, что было на душе, разве я не прав? У-у-у, я ведь каждый день не только позволяю ему играть со своим телом, но и изо всех сил стараюсь радовать его, а сегодня еще и поперся в такую даль, чтобы купить ему лекарства и собрать мешочек с пряностями...» - додумав это, Гу Яньлин снова зарыдал, мысленно поставив Сяо Синханю жирный минус.

Когда Гу Яньлин, наплакавшись, наконец немного успокоился, в комнату вошел младший евнух, держа в руках медный таз. Он выжал горячее полотенце и почтительно протянул его:

- Господин Юаньбао, умойтесь.

Гу Яньлин взял полотенце, вытер лицо и сухо бросил:

- Ужин приносить не нужно. Я ложусь спать, не зовите меня, - сказав это, он прошел во внутренние покои, снял верхнюю одежду и с головой нырнул под одеяло.

На этот раз он ни за что на свете не пойдет мириться первым!

Гу Яньлин с гордым видом закрыл глаза, ожидая, что Сяо Синхань сам осознает ошибку и

пойдет на попятную.

Он ждал и ждал, пока веки не стали тяжелыми от усталости и сна. Проснувшись, он обнаружил, что в комнате уже сгустилась темнота, а человека, которого он так ждал, всё еще не было.

Желудок Гу Яньлина болезненно свело от голода. Видя, что Сяо Синхань проявил такую жестокость, он от обиды и злости зарылся лицом в подушку и снова заплакал.

В этот момент Сяо Синхань мягко откинул полог кровати и присел рядом:

- Откуда в тебе столько слез?

Услышав голос Сяо Синханя, Гу Яньлин приподнял голову с подушки и небрежно вытер слезы тыльной стороной ладони:

- Зачем ты пришел?

Сяо Синхань невозмутимо ответил:

- Принес тебе ужин. Жаль, что ты остался без вечерней трапезы. Ведь голод в твоём теле - это боль в моей душе.

Гу Яньлин сел в постели и недоверчиво скривил губы:

- Не думай, что я прощу тебя только потому, что ты сказал пару ласковых слов. Я остался без ужина, почему ты пришел только сейчас?

- Ты спал, когда подавали ужин, - просто пояснил Сяо Синхань.

Гу Яньлин встал. В комнате зажгли свечи, и пространство в мгновение ока залил мягкий свет. Младший внук быстро расставил блюда на столе во внутренних покоях. Гу Яньлин прополоскал рот чаем, вымыл руки и сел ужинать.

Сяо Синхань не ушел, а пристроился рядом, молча наблюдая за каждым его движением.

- Днем... - смущенно пробормотал Гу Яньлин, не поднимая глаз.

- Ладно, сначала поешь, а потом поговорим, - перебил его Сяо Синхань.

Гу Яньлин действительно был очень голоден. Выпив супа, он принялся за рис. Ел и думал, что Сяо Синхань всё-таки не лишен совести, раз принес ему еду. Раз уж тот готов сделать шаг навстречу, он не будет мелочиться и великодушно простит его на этот раз.

В комнате воцарилась тишина. Гу Яньлин, уткнувшись в тарелку, съел две миски риса и миску супа, прежде чем наконец отложить палочки. Он дождался, пока слуги уберут со стола и покинут комнату.

Во внутренних покоях остались только они двое.

Гу Яньлин бросал на Сяо Синханя осторожные косые взгляды, ожидая, что тот что-то скажет.

Сяо Синхань, заметив его выжидающий вид, спросил:

- Что ты хотел сказать во время ужина? Говори.

Гу Яньлин надулся:

- Не скажу, говори ты первый.

- И что же ты хочешь от меня услышать? - уточнил Сяо Синхань.

Гу Яньлин расстроился. Он-то наивно полагал, что Сяо Синхань пришел искренне мириться, и он, дав ему шанс, изящно закончит эту ссору, но нынешнее отношение Сяо Синханя было совсем не таким, как он ожидал:

- Ты столько книг прочитал, неужели совсем не знаешь, что сказать в такой ситуации?

Сяо Синхань с каменным лицом ответил:

- Разумеется, я прочитал далеко не так много романов, как ты. В книгах не учат, как

правильно утешать человека, если ты в этой истории – «величайший злодей», «развратный демон» и «человек без сердца».

Гу Яньлин, поняв, что тот говорит с явным намеком, снова зарыдал:

- Ты всегда такой! Я вижу, что тебе нужно только мое тело, а не я сам. Боюсь, как только ты окончательно насытишься, то выбросишь меня, словно ненужную вещь.

Сяо Синхань лишь промолчал.

В следующее мгновение Гу Яньлина крепко притянули в объятия. С ресниц всё еще свисали слезы, когда он посмотрел на Сяо Синханя. Тот, окончательно потеряв терпение от его плача, бесстрастно произнес:

- Твой плач разбивает мне сердце. Ты пропустил ужин, и если твое тело пострадает от голода, мне будет больно.

Гу Яньлин почувствовал, что эти слова звучат не совсем в духе Сяо Синханя, особенно сказанные так холодно и безэмоционально, совсем не проникновенно:

- Не думай, что я не вижу, ты просто отмахиваешься... у-у-м!

Сяо Синхань решил, что юноша стал слишком шумным, и просто заткнул ему рот глубоким поцелуем.

Действительно, после одного поцелуя Гу Яньлин стал совершенно послушным.

У него закружилась голова, он не мог вымолвить ни слова, лишь непрерывно глотал, отдаваясь этому чувству.

Сяо Синхань осторожно стер слюну с уголка его губ.

- Ты только и умеешь, что обижать меня, – прошептал Гу Яньлин.

- Разве это обида? – переспросил Сяо Синхань.

Гу Яньлин не успел ничего ответить.

Сяо Синхань медленно погладил его по пояснице:

- Вот увидишь, что значит настоящая обида, когда придет время.

Гу Яньлин мгновенно понял намек и так испугался, что больше не посмел произнести ни слова.

Сяо Синхань посмотрел на него многозначительным взглядом.

Гу Яньлин поспешно опустил голову, в одно мгновение забыв о том, что хотел заставить Сяо Синханя признать свою вину.

- Маленький трусишка, - усмехнулся Сяо Синхань.

Гу Яньлина высмеяли, но он не посмел возразить. У-у-у, кто бы знал, до какой степени он боится этой свирепой «большой птицы» в лице Сяо Синханя!!!

Автор хочет сказать:

Наследный принц, ты всё еще не умеешь утешать жену. Вот сбежит она от тебя, тогда и поумнеешь.

Юаньбао: Так ему и надо! [гнев][гнев]

<http://bllate.org/book/17939/1720392>